

РОССИЙСКИЕ ПОДДАННЫЕ В ХИВИНСКОМ ПЛЕНУ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.: ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Рассматривается проблема русских пленников в Хивинском ханстве. На базе архивных материалов представлен собирательный образ пленника, собраны сведения о быте в Хивинском плену, о выкупе пленников. Анализируется значение данного вопроса для взаимоотношений Российской империи и Хивинского ханства. Изучение вопроса позволяет более полно представить картину русско-хивинских отношений, а также подробно рассмотреть один из аспектов проводимой внешней политики России в регионе.

Ключевые слова: Средняя Азия; Хива; ханства; Российская империя; пленники.

Осознание важности и необходимости решения хивинского вопроса правительством России сформировалось после неудачного похода А. Бековича-Черкасского, а также ряда неудачных дипломатических миссий середины XVIII в. (например, поездка Гладышева и Муравина, миссия майора Бланкеннагеля [1, 2]). В 1740 г. четко обозначается необходимость военной экспансии в Хиву, а также подчеркивается зависимость среднеазиатской торговли от Российской империи. В источниках отмечается перспектива дальнейшего развития торговли и заинтересованность ханств в торговых отношениях, однако выстраивание торговых отношений может быть затруднено тем, что правительство Хивы ожидает от Российской империи мести за князя Бековича: «Опасаясь, дабы по времени когда его Императорское величество пожелает учинить отмщение [как все чаяли в бытность там посланникову] над землею хивинскою» (здесь и далее в цитатах авторские орфография и пунктуация сохранены) [3. Л. 15–16].

Российская общественность ждала карательной экспедиции в Хиву от нового государя. Не могло быть речи об успешной коммерции, пока с Хивой и Бухарой не будет заключен дружественный договор, что в свою очередь невозможно, так как повредит авторитету Российской империи: «Однако ж сие примирение с Хивою народу российскому поставится в немалое умаление славы при тамошних народах, и не будет от них почитано мужество российское» [Там же. Л. 17].

Таким образом, военная экспансия в Хиву уже с середины XVIII в. представлялась лишь вопросом времени. Ключевой причиной экспедиции называлось обеспечение безопасной торговли с Индией путем пресечения грабежей караванов и убийств купцов, а также восстановление авторитета страны после неудачного похода 1714 г.

Однако в начале XIX в. в качестве важнейшей причины военного похода в Хиву называется проблема русских пленников в ханстве, хотя в источниках XVIII в. этот вопрос освещается слабо или не ставится вообще. Несмотря на это, вплоть до 1839 г. правительство Российской империи продолжает избегать открытых военных конфликтов и снаряжает в Хиву и ханства мирные экспедиции и дипломатические миссии, которые зачастую не дают желаемых результатов.

К началу XIX в. ситуация в данном регионе обостряется из-за появления новой силы. Интерес России к Индии и попытка решения в данном контексте

Хивинского вопроса не могли не привлечь внимание Англии.

В 1804 г. генерал от кавалерии и Оренбургский военный губернатор князь Волконский продолжает считать ключевой причиной в необходимости решения хивинского вопроса грабежи русских караванов. Он оценивал огромный экономический ущерб, нанесенный киргизами, отмечая, что «грабители киргизы почти всегда нападают на российские [караваны], и что бухарские, хивинские и другие народы [торговые караваны] пропускают свободно. Грабили же их только тогда, когда знали что в них находились товары российских купцов <...>. Сии обстоятельства ведут к догадкам, что ограбление наших караванов не одна хищность киргизов производила, но едва ли они не научаемы и подстрекаемы к сему были всегда от хитрых хивинцев и бухарцев» [4. Л. 75–80].

Оценка экономического урона, наносимого киргизами под протекторатом хивинцев, приводит князя к выводу о необходимости создания экспедиции.

Таким образом, в 1805 г. Российская империя была готова совершить карательную экспедицию против киргизских грабежей в других условиях и путем военной хитрости подчинить Хиву.

Тем не менее по ряду внешнеполитических причин, связанных с Наполеоновскими войнами, поход был отложен более чем на 30 лет.

18 марта 1813 г. Комитет министров принял официальное решение о необходимости всемерного развития торговли со странами Востока, в том числе со среднеазиатскими ханствами. В целях улучшения организации отношений России со странами Востока в 1819 г. в структуре Министерства иностранных дел был создан Азиатский департамент, а также Азиатский комитет при Комитете министров.

В том же 1819 г. в Хиву для переговоров из Петербурга был отправлен Николай Муравьев, опубликовавший после поездки «Путешествие в Туркмению и Хиву» (1822) [5]. В ходе этой миссии хану в очередной раз была предложена дружба: «Главкомандующий наш, желая вступить в тесную дружбу с Вашим Высочеством, хочет войти в частые сношения с вами. Для сего должно сперва, утвердить торговлю между нашим и вашим народами в пользу обеих держав» [Там же. С. 27].

Однако хивинцев удовлетворяли сложившиеся отношения с Россией. Хан не стремился увеличить оборот торговли, что в свою очередь не обязывало его к

установлению дружеских связей с Россией. Хива избегала открытой конфронтации, но при этом довольно ловко избегала и дружбы. Это позволяло с уверенностью продолжать протекционистскую политику рынка, закрытого от русских купцов, а также содержать русских пленников, о которых мы впервые видим множество сообщений именно у Н. Муравьева: «Русских считается в Хиве до трех тысяч, их доставляют Киргизы схватывая на Оренбургской линии; <...> Какой то русской подводя мне лошадь шепотом ругал Хивинцев за неловкость их в приводе лошади. Ехавши через Хиву, я видел во многих местах несчастных соотечественников наших собравшихся в особенные толпы, они кланялись мне, и называли своим избавителем. <...> Один из них шел долго подле моей лошади, и когда я оборотился к нему, сказал мне: господин Посланник примите мое усерднейшее почтение, и не забудьте нас несчастных по возвращении вашем в отечество; по виду его мне казалось, что он не из простолудинов» [5. С. 43].

Таким образом, именно Н. Муравьев впервые поставил вопрос о нахождении подданных Российской империи в Хиве. Благодаря его сообщениям вопрос о пленниках стал угрозой Российскому авторитету и впервые вышел в первые ряды причин необходимости военной экспансии.

Однако это не означает, что до визита Муравьева в Хиву российское правительство не знало о пленных. Как показывают данные неопубликованных источников, правительство знало о данной проблеме, но не придавало ее огласке.

В 1799 г. к Астраханскому губернатору Захарову прибыли «магишлакский трухменец Мамет Нияз Наубетбакиев и хивинец Паланкуль Бабаев». Они объявили губернатору, что «по бытности его [Наубетбакиева] в Хиве выкупил он находившихся там, в плену, россиян одиннадцать человек и Бабаев одну колонистку и привезли в Астрахань, прося возврата от казны уплаченным ими за каждого человека денег всего 3220 рублей» [6. Л. 1–5].

Губернатор пишет отчет, в котором высказывает сомнения относительно необходимости выкупа привезенных людей из хивинского плена: «Нашел я, что они есть люди старые, от тамошнего порабощения крайне изнуренные и уже учинившиеся неспособными к понесению дальнейших трудов, возлагаемых на них поработителями. Следовательно, и выкуплены они не по преданности к России (как говорят искупители), но по негодности их к рабству и ради получения за них окупа. <...> Ясно я вижу ухищрения трухменца и хивинца и никак не могу поверить, чтобы заплачены были такие деньги. Но сам собою на решимость с ними поступить не осмеливаюсь. Следует ли отдать требуемую сумму? Ограничение в летах и поле, может быть, произведет ту пользу, что станут возить из плена и молодых людей, которые отечеству своему еще будут годны? Или пресечет надежду выторговать в ущерб казны большие деньги в поощрение самих хищников».

Таким образом, правительство особо не видело смысла в спасении людей, если они не могли послужить службу отечеству в дальнейшем и платить за

них деньги, опасаясь дальнейшего вымогательства. Кроме того, источник также показывает, что даже рядовой астраханский губернатор был в курсе, что в Хиве содержатся и молодые пленники. Однако никаких мер или даже попыток по решению данного вопроса не наблюдалось до тех пор, пока отчет Муравьева не придал ситуации всеобщую огласку. С этого момента знание большинства о неспособности и нежелании правительства возвращать из плена своих подданных стало угрозой авторитета Российской империи.

Здесь стоит обратиться к делу «О враждебном отношении Хивинского хана к России». Султан младшего жуза Арынгази-хан, ищущий сближения с Россией, сообщает о бесчинствах хивинского хана, а также обращается к России за помощью: «Полагаю я, что кочевье наше по Сыр-Дарье расположенное от нас будет отнято, и там впредь зимовье иметь нельзя; что предавая в вид Вашего Высокопревосходительства прошу к избежанию того дать какие-либо способы; ибо о сем кроме покровительства Вашего от других подпоры и защиты изыскивать я не в состоянии, и <?> прошу не отторгнуть нас от милости Вашей, в чем весь народ имеет надежду на милость Вашу» [7. Л. 1–22].

Арынгази уверен, что своими поступками по захвату киргизских владений, находящихся «в подданстве и под покровительством Всемиловейшего Государя Императора Всероссийского» [Там же. Л. 7], хан навлекает на себя государственный гнев и, как следствие, свою гибель.

Действительно, описываемые в данном документе события выходят за рамки дозволенного хану. И если Российское правительство мирилось с содержанием пленников и проблемой торговли, то с открытой протекцией захватчикам примириться было нельзя.

До 1836 г. положение дел не менялось. Хивинский хан продолжал поощрять захватническую политику в киргизских степях, покупку захваченных в плен российских подданных, а также избегать прямого сотрудничества с Россией. Это привело к тому, что в 1836 г. Оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский пишет хану знаменитое письмо в ответ на заявленные действия хивинского хана с требованиями [8. Л. 59–61].

«С незапамятных времен и поныне Ханы Хивинские делами и поступками своими сами себя изобличали в глубокой вражде к России. Об этом можно бы говорить много, но довольно будет припомнить то, что делается еще и поныне» [Там же. Л. 59].

Данное письмо является ультиматумом и последней попыткой мирного урегулирования взаимоотношений между Россией и Хивой. Именно в нем впервые в истории вопрос о пленных выходит на первое место:

«1. Хива содержит пленников Русских в большом количестве, а как войны между Россией и Хивойю никогда объявлено не было, то и Русских не должно бы находиться в плену.

2. Хивинцы начинают распоряжаться в степи Кайсацкой как дома; собирают подати с Киргизов и купцов наших.

3. Ни один купец, ни же путник наш не смеет показаться в Хиву по тому, что нарушая народные пра-

ва, Хивинцы встречают гостей своих ножом, ядом, или кандалами невольника. Между тем Хивинские купцы доселе свободно разъезжали по всему Российскому Государству» [8. Л. 59–61].

Данные требования отражают сложившуюся ситуацию, которую можно было наблюдать в российско-хивинских взаимоотношениях на протяжении многих лет. Также они подтверждают слова Арынгази о расширении хивинских владений в степи. Все эти действия, прямо или косвенно направленные против России, Перовский очень точно характеризует «безрасудною враждою».

Здесь стоит отметить, что требования России были подкреплены решительными действиями по одновременному аресту всех хивинских купцов в России с их имуществом. Это действие стало ответом на содержание пленных в Хиве и подразумевало обмен пленными, как при ведении военных действий: «Вышлите всех пленников Русских и тогда будем переговариваться. Тогда возвратят Ваших всех задержанных теперь здесь купцов Хивинских, возвратят и все товары им» [Там же].

Россия вновь предприняла попытку дипломатического урегулирования конфликта, пытаясь воззвать к разуму хана: «Россия не нуждается в торговле с Хивою, но Хива без торговли с Россией обойтись не может. Хива не может быть без меди, железа, чугуна и других произведений природы и рук подданных Российского Государя <...> у вас без нашей торговли не будет ни денег, ни товаров» [Там же. Л. 59].

По мнению Перовского, введение подобных жестких торгово-экономических санкций должно было повлиять на Хиву. При этом Перовский продолжал среди первостепенных требований называть освобождение пленников: «Если хотите еще вовремя опомниться, то вышлите немедленно всех Русских пленников и дайте слово свое, вести себя впредь мирно и дружелюбно, не поощряйте грабежей и разбоев, не мешайтесь в управление Кайсацкого народа; дайте подданным Императора Всероссийского те же права у Вас, какие Он дает у себя Вашим, и старое будет забыто» [Там же. Л. 60].

В Декларации, изданной 14 ноября 1839 г., были изложены причины, побудившие императора повелеть предпринять военную экспедицию против Хивы: «Цель сей экспедиции состояла в том, чтобы силою оружия заставить Хивинцев исполнить справедливые требования Российского Правительства, освободить томившихся в Хиве Русских невольников, прекратить грабежи и насилия, производившиеся близ границ Империи, и обеспечить на будущее время права пользы Российских подданных» [9. Л. 249–250].

Таким образом, основными задачами похода, определенными на заседании особого комитета Азиатского департамента в марте 1839 г. были прекращение набегов хивинцев на подвластные Российской империи территории, освобождение российских пленных в Хивинском ханстве, а также обеспечение безопасной торговли и исследование Аральского моря [10. С. 91–93].

Однако поспешность проведения Хивинского похода 1839–1840 гг. в действительности была обусловлена нарастающей конкуренцией России и Англии в регионе.

Российское правительство консультировалось с Английским кабинетом касательно Хивы и начала экспансии, мотивируя ее вышеперечисленными причинами: «Для предупреждения всяких неосновательных опасений <...> действия наши противу Хивы не имеют ничего общего с последними переговорами в Афганистане» [11. Л. 2–9]. Здесь имеется в виду командирование в конце 1837 г. в Афганистан состоявшего при Перовском поручика Я. В. Виткевича.

«Хивинская экспедиция должна была обратиться на себя внимание Английского правительства, тем более, что она предпринята была вслед за экспедицией их в Афганистан. Слова Его Величества послужили к совершенному успокоению Английского правительства» [12. Л. 1–6].

Таким образом, произошло разделение сфер влияния Англии и России в Центральной Азии, где Афганистан закреплялся за Англией, а Хива постепенно должна перейти под влияние России.

Несмотря на военный провал русской экспедиции, английские шпионы Эббот и Шекспир все же склонили хана Аллакули издать указ от 19 июля 1840 г., которым под страхом смертной казни запрещалось поданным хивинским впредь навсегда грабить и полонить русских [9. Л. 249–250].

Подобное давление на решение хана обеспечивало безопасность Хивы от вторжения русских. Отсутствовала новая официальная причина начала вооруженного наступления, что развязывало руки английским агентам на дипломатическом поле азиатских ханств.

Через месяц караван с русскими пленными из Хивы в числе 416 человек прибыл в Н. Александровское укрепление, откуда морем был отправлен в городок Гурьев, а оттуда пленные препровождены были в Оренбург. На пленных были заведены дела и заполнены анкеты, сохранившиеся в Оренбургском архиве [13].

Представленный ниже статистический анализ одиннадцати дел хивинских пленных, обнаруженных в деле «О посылке миссии в Хиву под начальством капитана Никифорова» [Там же. Л. 27–48], является уникальным источником, показывающим исследователям среднестатистический портрет пленника, условия его пленения, содержания, общественного положения и социального статуса.

Этот источник не единственный в своем роде. Подобный анализ мы встречаем в статье «Голос хивинских пленных», где говорится, что «несколько показаний возвращенных в 1840 году русских пленных, захваченных во время рыболовства на Каспийском море туркменцами и киргизами и проданных в Хиву, в некоторой степени могут пополнить этот недостаток [описаний Хивы]. Из показаний этих можно видеть, насколько жизнь для русских, которые бы желали туда переселиться, удобна и чем изобилует сравнительно с Россиею тамошняя природа; а для торговцев объясняется, какие могут покупать товары и по какой цене» [14. С. 465–470].

Попытаемся по данным анкет воссоздать портрет Хивинского пленника, находящегося на допросе 17 декабря 1841 г.

В анкете всего 16 вопросов, включающих в себя как стандартные общего типа: фамилию / имя, возраст, звание, Родину, женат или холост, количество

детей и их имена; так и более конкретные, касающиеся непосредственно плена и являющиеся наиболее интересными для следователя. Это вопросы о времени пленения, месте пленения, «пленителях», обстоятельствах пленения, сразу ли были отвезены в Хиву, у кого жили в Хиве, обстоятельства освобождения, остались ли в Хиве еще пленники и как их зовут, а также был ли женат в Хиве и имел ли детей.

Из данных анкет можно сделать вывод, что пленник – это мужчина приблизительно тридцати лет от роду, крестьянин (но может быть и рядовым, реже однодворцем), русский (реже калмык), чаще холостой (или не имеющий детей в браке), взятый в плен в 20–30-х гг. XIX в., чаще урожденный Астраханской, Нижегородской или Пензенской губернии, плененный на Каспийском море (чаще с рыбного промысла) «туркменцами» или киргизами и освобожденный капитаном Никифоровым в 1840 г.

Все пленники находились в Хиве в разных местах, однако при анализе обстоятельств освобождения складывается впечатление, что пленники были знакомы между собой, что позволяло им ссылаться на имена друг друга.

Ни один из пленников не был женат в Хиве. Однако для следователя является важным этот факт, вероятнее всего, потому, что жену или детей пленника можно было использовать для шпионажа.

Мы можем сделать вывод, что портрет хивинского пленника середины XIX в. не является каким-то особым, во многих аспектах пленники абсолютно идентичны друг другу, однако важным является факт пленения, описания обстоятельств этого события. Чаще это вероломное нападение на рыболовное судно киргизов или туркмен (с разрешения Хивинского хана) и дальнейшая продажа в Хиву на работы к знатным горожанам.

Условия содержания пленных не выглядят жестокими, и это прекрасно понимали участники похода и правительство, особенно если брать во внимание вопросы о жене и детях в Хиве.

«После некоторого времени пребывания там, дают пленнику возможность обзавестись самому хозяйством; он получает для земледелия быка, а для посева достаточное количество семян. Всякий по трудам своим приобретает прибыль, а некоторые и совсем обжились, завелись семействами и живут с большим довольством» [14. С. 465–470].

Таким образом, вопрос пленных для Российской империи скорее оставался вопросом престижа в глазах собственного народа (о чем говорит появление интереса к пленным лишь после миссии Муравьева) и на внешнеполитической арене, а также поводом для введения своих войск на территорию Хивинского ханства в период обостряющейся конфронтации с Англией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 гг. Гладышевым и Муравиным. СПб., 1851. 85 с.
2. Замечания майора Бланкеннагеля, впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793–94 годах / Бланкеннагель. М.: Книга по Требованию, 2012. 32 с.
3. Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Д. 410. Л. 1–21.
4. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 296. Л. 75–80.
5. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М.: Типография Августа Семена, 1822. 120 с.
6. РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1642. Л. 1–5.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 6669. Л. 1–22.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4371. Л. 59–61.
9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5068а. Л. 249–250.
10. Записки о Бухарском ханстве. М.: Наука, 1983. 152 с.
11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5068. Л. 2–9.
12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5055. Л. 1–6.
13. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5241. Л. 27–48.
14. Михайлов М. Голос хивинских пленных // Нива. 1873. № 30. С. 465–470.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 июня 2017 г.

RUSSIAN SUBJECTS CAPTURED IN KHIVA AT THE END OF THE 18TH – BEGINNING OF THE 19TH CENTURIES: WAYS OF PROBLEM SOLVING AND CONSEQUENCES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 100–104.

DOI: 10.17223/15617793/423/13

Anton V. Kochnev, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: a.kochnev.usu@gmail.com

Keywords: Central Asia; Khiva; khanates; Russian Empire; captives.

The aim of the research is to study Russia's foreign policy towards the Khiva Khanate in the late 18th and early 19th centuries in the context of the problem of Russian subjects in the Khiva captivity. One of the research objectives is to study the collective image of the Russian prisoner. The research is based on the unpublished archival documents from GAOO (Orenburg) and RGIA (St. Petersburg) including memoir materials, Khiva expedition reports. The article uses comparative-historical and problem-chronological methods, which allow to identify the tendency in the development of Russia's foreign policy towards Khiva and observe its qualitative changes. To assess the potential of archival materials the author used a historiographic method and source analysis. After the Patriotic War of 1812 and setting up of the European protectionism system Russia relatively reoriented its economy to the East. On the 18th of March 1813 the ministers' Committee officially came to the decision of a comprehensive development of trade with Eastern countries, including Central Asian khanates. In 1819, a military campaign to Khiva took place and the main reason for it, according to N.N. Muravyov, was the problem of Russian prisoners in the Khiva Khanate. However, in the sources of the 18th century this issue is poorly covered or not mentioned at all. There is a possibility that the first military prisoners in Khiva appeared after

A. Bekovich-Cherkassky's expedition of 1714–1717. Unfortunately, the sources of that period do not give any information concerning robberies or capture of civil people. The first person to mention the problem of the Khiva captivity was Major Blankenagel in 1794. Apart from this, sources of the 18th century claim that civil servants were widely informed about Russian prisoners in Khiva. Despite the fact that in 1819 information about captured people was introduced to the public by N. Muravyov, until 1839 the government of the Russian Empire avoided open military conflicts with Khiva and arranged peaceful expeditions and diplomatic missions. The problem of Russian prisoners in Khiva at the governmental level was first designated by V.A. Perovsky in a well-known ultimatum to the Khiva Khan. Russia used the problem of captivity as the main reason for the Khiva military campaign in 1839. The details regarding Russian prisoners, the conditions of their detention began to appear in sources. Despite the failure of the military campaign, under the pressure of the United Kingdom Khiva set some of the Russian subjects (416 people) free. Each of the rescued prisoners was interrogated to fill in a special form, which allowed to create the collective image of Khiva prisoners, as well as the conditions of their captivity. Thus, the search for a consensus in Russian-Khiva relations as well as the problem of Khiva captivity was for a long time beyond the scope for the Russian government. The topics gained urgency through Russian-British contradictions in the region due to the beginning of the Anglo-Afghan war and the need for a weighty occasion for the military campaign in 1839.

REFERENCES

1. Khanykov, Ya.V. (ed.) (1851) *Poezdka iz Orska v Khivu i obratno, sovershennaya v 1740–1741 gg. Gladyshevym i Muravinym* [A trip from Orsk to Khiva and back, completed in 1740–1741 by Gladyshev and Muravin]. St. Petersburg: Tipografiya ministerstva vnutrennikh del.
2. Blankennagel'. (ed.) (2012) *Zamechaniya mayora Blankennagelya, vposledstvie poezdki ego iz Orenburga v Khivu v 1793–94 godakh* [Remarks of Major Blankenagel, following his trip from Orenburg to Khiva in 1793–94]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu.
3. Scientific and Historical Archive of St. Petersburg Institute of History RAS. Fund 115. File 410. Pages 1–21. (In Russian).
4. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 1. File 296. Pages 75–80. (In Russian).
5. Murav'ev-Karsskiy, N.N. (ed.) (1822) *Puteshestvie v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh, gvardeyskogo General'nogo Shtaba kapitana Nikolaya Murav'eva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov* [Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820 of the Guards General Staff captain Nikolai Muravyov, sent to these countries for negotiations] Moscow: Tipografiya Avgusta Semena.
6. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1374. List 2. File 1642. Pages 1–5.
7. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 6. List 3. File 6669. Pages 1–22. (In Russian).
8. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 6. List 10. File 4371. L. 59–61. (In Russian).
9. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 6. List 10. File 5068a. Pages 249–250. (In Russian).
10. Demezov, P.I. & Vitkevich, I.V. (eds) (1983) *Zapiski o Bukharskom khanstve* [Notes on the Bukhara Khanate]. Moscow: Nauka.
11. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 6. List 10. File 5068. Pages 2–9. (In Russian).
12. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 6. List 10. File 5055. Pages 1–6. (In Russian).
13. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 6. List 10. File 5241. L. 27–48. (In Russian).
14. Mikhaylov, M. (1873) Golos khivinskikh plennykh [Voice of the Khiva captives]. *Niva*. 30. pp. 465–470.

Received: 29 June 2017